

УДК 902+39:94(470)"1238/1480"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.90-114

**СЕЛО ТАТАРСКАЯ БАШМАКОВКА –
АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ.
К ИСТОРИИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО
НАСЛЕДИЯ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ**

В.М. Викторин^{1а}, Д.В. Васильев^{1б}, Э.Ш. Идрисов², М.М. Имашева³

¹ Астраханский государственный университет
Астрахань, Российская Федерация
^а victvic@mail.ru, ^б hvdv@mail.ru

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Астраханский филиал
Астрахань, Российская Федерация
idrisel@mail.ru

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
imaschewa@yandex.ru

Цель: анализ археологических памятников средневековья и этнографической характеристики села Татарская Башмаковка Приволжского района Астраханской области.

Материалы исследования: в данном исследовании были использованы сочинения Абу Хамид ал-Гарнати, отчеты об археологических экспедициях в Астраханской области, данные этнографических исследований.

Результаты и научная новизна: окрестности села Татарская Башмаковка Астраханской области изобилуют средневековыми археологическими памятниками. Новый подход к анализу погребального обряда на могильниках в окрестностях Татарской Башмаковки позволяет сделать вывод о проникновении традиций ислама в среду населения дельты Волги ещё с домонгольского времени. Привлечённые данные сравнительного краниологического анализа позволяют предположить, что население, оставившее данные могильники, антропологически близкое некоторым этническим группам хазарской эпохи, представляло собой население области Саксин, существовавшей в дельте Волги в XI–XIII вв. Это население в последующем стало составной частью золотоордынских татар.

В научном отношении вызывает интерес и этнографическая характеристика села Татарская Башмаковка. Здесь проживает одна из частей этноспецифической группы населения Астраханской области – юртовские татары, которые большинством этнографов и историков относятся к потомкам коренного населения одного из осколков Золотой Орды – Астраханского ханства. На основе этнографического материала в статье даны локальные характеристики юртовцев села Татарская Башмаковка.

Представленная информация, как нам представляется, существенно дополнит историю народов Волжского Поволжья. Прежде всего, народов тюркских – наследников Золотой Орды, современных потомков которых сегодня называют юртовскими татарами, а также процессов их этнического взаимодействия и взаимовлияния с другими тюрко-татарскими этническими группами, являющимися сегодня одним из основных этнических компонентов в Астраханской области.

Ключевые слова: Хазарский каганат, Саксин, Золотая Орда, Самосдельское городище, Кан (Хан)-Тюбе, Тумак-Тюбе, юртовские татары, Татарская Башмаковка

Для цитирования: Викторин В.М., Васильев Д.В., Идрисов Э.Ш., Имашева М.М. Село Татарская Башмаковка – археология и этнография. К истории золотоордынского наследия в Нижнем Поволжье // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 90–114. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.90-114

**THE VILLAGE OF TATARSKAYA BASHMAKOVKA –
ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY.
THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE HERITAGE
IN THE LOWER VOLGA REGION**

V.M. Viktorin^{1a}, D.V. Vasil'ev^{1b}, E.Sh. Idrisov², M.M. Imasheva³

¹ Astrakhan State University
Astrakhan, Russian Federation
^a victvic@mail.ru, ^b hvdv@mail.ru

² Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Astrakhan branch
Astrakhan, Russian Federation
idrisel@mail.ru

³ Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
imaschewa@yandex.ru

Abstract: *Research objective:* An analysis of the archaeological sites of the Middle Ages and the ethnographic characteristics of the village Tatarskaya Bashmakovka in the Cis-Volga region of the Astrakhan region.

Research materials: The writings by Abu Hamid al-Gharnati, reports on archaeological expeditions in the Astrakhan region, and the data of ethnographic studies were used in this research.

Research results and novelty: The surroundings of the Tatarskaya Bashmakovka village in the Astrakhan region abound in medieval archaeological monuments. A new approach to the analysis of the funeral rites in the burial grounds located in the vicinity of the Tatarskaya Bashmakovka allows us to draw a conclusion about the penetration of the traditions of Islam among the population of the Volga Delta since the pre-Mongol period. The comparative craniological analysis data suggests that the population that is found in these burial grounds was anthropologically close to some ethnic groups of the Khazar era. This was the population of the Saqsın region that existed in the Volga Delta from the eleventh to thirteenth century. Subsequently, this population became an integral part of the Golden Horde Tatars.

Ethnographic characteristics of Tatarskaya Bashmakovka are also of academic interest. One of the parts of the ethno-specific population group of the Astrakhan region is the Yurt Tatars. Most ethnographers and historians consider them descendants of the indigenous population of one of the fragments of the Golden Horde, the Astrakhan Khanate. Based on the ethnographic material, the article presents the local characteristics of the Yurt Tatars of the village Tatarskaya Bashmakovka.

As we see it, this information will significantly complement the history of the peoples of the Lower Volga region and above all the Turkic peoples, the heirs of the Golden Horde, who are called the Yurt Tatars today. It will also show the processes of their ethnic interaction with other Turkic-Tatar ethnic groups which today comprise one of the main ethnic components in the Astrakhan region.

Keywords: Khazar khanate, Saqsın, Golden Horde, Samosdelka ancient settlement, Kan (Khan)-Tyube, Tumak-Tyube, Yurt Tatars, Tatarskaya Bashmakovka

For citation: Viktorin V.M., Vasil'ev D.V., Idrisov E.Sh., Imasheva M.M. The Village of Tatarskaya Bashmakovka – Archaeology and Ethnography. The History of the Golden Horde Heritage in the Lower Volga Region. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 90–114. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.90-114

Географическое описание. Административно-территориальная организация

На большом острове волжской дельты, площадью почти 330 квадратных километров, в междуречье старого русла Волги (р. Старая Волга) и его бокового, левого «утока» – р. Кизани, живописно расположены село Татарская Башмаковка и соседние населённые пункты: слившаяся с Татарской в 1969 г. прежняя Русская Башмаковка (бывшая Башмаковская ватага, иначе – «батага», т.е. рыбацкий стан), а также посёлки Стеклозавода, Ассадулаево и Мансур, ещё и Кизань (бывш. Кизанская «ватага»), Первое Мая и Придорожный.

Остров этот, в свою очередь, разделён на карте ериками Мансуром и Широкиим ещё на две части почти поровну – островок верхний, северо-западный (гораздо более обжитой) и низовой, юго-восточной (здесь располагаются сельскохозяйственные угодья, базы отдыха и дачи, а также известные археологические объекты). Согласно картам XVIII в. верховой островок тоже делился (между обеими Башмаковками и Стеклозаводом, в районе нынешнего Кизанского моста) совсем небольшой речушкой – ериком Башмаковским.

Пересечена вся рассматриваемая территория полукруговой грядой «бэровских бугров» (главный – Ашан-тау-Тюбе, затем Бос-Тюбе, кладбище Кос-Тюбе (Улюк-Тюбе), Озын-Тюбе, Кара-Тюбе, Джилан (Елан)-Тюбе, археологический памятник Хан (Кан)-Тюбе, священный холм Куганлы (Куганни)-Тюбе, Джапраклы (Яфраклы)-Тюбе, ещё и Тумак-Тюбе, который широко известен, по преданию, «всему миру ислама»). На некоторых из них расположены кладбища, другие являются объектами религиозного поклонения. Практически на всех буграх обнаруживаются следы древних поселений и некрополей.

Это пространство в совокупности представляет собою исключительно удобное природное «урочище» (особенную и отграниченную рельефно местность), отлично защищённое, с явными следами древних археологических памятников. Местность издревле осваивалась людьми, и население его, очевидно, менялось в истории неоднократно. Уходя, возвращались обратно, или же, попав в дельту Волги, наследовали места обитания от предшественников (иногда отдалённо родственных), основывали новые населённые пункты там, где располагались предыдущие. Современный состав жителей, как можно утверждать с большой долей уверенности, основываясь на данных письмен-

ных источников, окончательно сформировался в составе Российского государства в сер. XVI – XVIII вв.

На всём рассматриваемом пространстве, подчинённом администрации муниципального образования «Татаробашмаковский сельсовет», по данным статистики на начало 2016 г., проживает 5302 человека. Этнический состав населения, как и несколько столетий тому назад, очень разнообразен: татары (почти все – особой, «юртовской» группы) – 67%; русские – 29,8%; казахи – 2% и другие народы.

Как мы видим, юртовские «нугайские» татары (об их истоках и специфике речь пойдет далее) заметно преобладают численно в целом по территории в селе Татарская Башмаковка, а русские – в поселках Стеклозавода и Ассадулаево и других небольших посёлках, а вот в поселке Мансур (до 100 чел.) тех и других почти поровну. Сразу заметим в этой связи, что Татарская Башмаковка – это второе по численности и исторической известности (уступавшее лишь чуть-чуть первопоселению – селу Зацарево, иначе Тияк – ныне городской поселок, микрорайон Нариманово) юртовское село¹.

На начало XX века (1901 г.) на Тияке – в Зацарево статистики насчитывали 291 двор, 691 податных единиц (глав семейств) и 1266 жителей, в т.ч. 675 мужчин и 591 женщин, а в более позднем «селении Башмаковском» – 284 двора, 539 глав семейных хозяйств и 1265 чел., включая 647 мужчин и 618 женщин [12, с. 32].

В наши дни в Астраханской области проживает более 30 тыс. чел. «юртовского» (и близкого, «едисан/джетисанского») происхождения, кроме того, незначительное количество проживает в пригородах города Астрахани (микрорайон Нариманово-Зацарево, села Мошаик, Солянка, Приволжье и др.), в рассматриваемом нами, Приволжском районе Астраханской области.

Примыкающие к Татарской Башмаковке с двух сторон две прежних рыбацких «ватаги» с русским населением были образованы самовольным, «сходческим» путём беглыми крестьянами, очевидно, из северо-запада и центра России на рубеже XVIII–XIX вв. В Русской Башмаковке почти столетие спустя, в 1886–1890 гг., была выстроена Никольская церковь. Поселения эти численно выросли, когда в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. возникли: поселок Стекольного завода, на землях, арендованных у крупнейшего в регионе промышленника и купца 1-ой гильдии Алексея Николаевича Бекунова (1825–1895 гг.); поселок Нефтебаза № 4 пароходного общества «Кавказ и Меркурий»; и топливного общества «Мазут» (поначалу на обоих берегах основного русла Волги), на выкупленных у казны землях азербайджанского нефтепромышленника азербайджанца Шамси Ассадулаева [29, с. 197–199].

К 50-м гг. XX в., в связи с развитием колхоза, окончательно оформился поселок Кизань (как Кизанский осетрово-рыбоводческий завод), возникли поселок Придорожный (прежде – молочнотоварная ферма колхоза, с 30-х гг.), и ещё пос. Первое Мая (Башмаковский инкубационный цех рыбной молоди) [24, с. 585–589]. Таким образом, полвека тому назад структура хозяйства и его поселений сложилась в современном виде – до начала 90-х гг. XX в. и далее.

¹ Селение Тияк по двум берегам р. Царев – самое вероятное наследие первого юртовско-ногайского поселка Юрт (Йорт).

Археология села Татарская Башмаковка

Совсем древнее прошлое сомкнулось с недавним, когда в 1969 г. начались археологические раскопки астраханских и ленинградских исследователей на буграх Хан(Кан)-Тюбе и Тумак-Тюбе в «низовой», юго-восточной части острова, продолжающиеся (с перерывами) и по сей день. В этой связи в народной памяти ожили и стали более широко известными старинные юртовские легенды и сказания о возникновении села и сраженьях в его окрестностях, о красавице Кыз-ана. Необычайный рост интереса к своему прошлому подтвердила этнографическая экспедиция.

Астраханскими археологами выдвинуто предположение, что ряд памятников археологии в дельте Волги может относиться к эпохе малоизученной в современной науке – периоду между распадом Хазарского каганата (со второй половины X века) до образования Золотой Орды (до первой половины XIII в.), когда приблизительно в исследуемом районе существовала область Саксин, известная лишь по письменным источникам, испытавшая свой кризис после резкого подъема Каспийского моря в XIII – начале XIV вв. [6].

Центром этой области был большой торговый город, являвшийся перевалочным пунктом в торговле на Великом Шёлковом пути. В настоящее время местоположение города Саксина уверенно ассоциируется с Самосдельским городищем в дельте Волги [7, с. 20; 11, с. 165]. Исследования, проводившиеся в первые десятилетия XXI века, показали, что многие археологические объекты могут быть связаны между собой общей исторической судьбой и этническим составом населения конкретного периода. В том числе и Татаро-Башмаковское поселение и его окрестности.

Город Саксин упоминается в русских летописях, в трудах арабских путешественников. В частности, странствующий мусульманский правовед и писатель XII века Абу Хамид ал-Гарнати прожил в Саксине 20 лет и описал его довольно подробно [1, с. 31–33]. Мы считаем, что существуют достаточные основания считать, что Саксин был частью восстановленного города Итиль, последней столицы Хазарского каганата. А сведения, приводимые ал-Гарнати, подтверждают эту точку зрения [36, с. 208].

Согласно сообщению ал-Гарнати, в городе Саксин (Саджсин) «существует сорок племён гузов, каждое из которых обладает собственным эмиром. У них большие жилища; в каждом жилище громадная палатка, вмещающая сотню человек и укрытая войлоком». Кроме того, ал-Гарнати свидетельствует о том, что в городе также проживали представители племен сувар, хазар (мы полагаем, что это население бывшего Хазарского каганата). Каждое племя имело свою мечеть и прилегающую территорию, образуя махаллю [1, с. 31–33; 20, с. 98–99]. Он подробно описывает дома жителей, местность, в которой находится город, блюда из баранины и рыбы, которые пришлись ему по вкусу. Упоминает ал-Гарнати и о виденных им в Саксине «тысячах купцов» из Магриба и других восточных и западных стран и территорий. Это – неоспоримое свидетельство о важном значении города в международной торговле.

Описания ал-Гарнати оказались весьма точны: в дельте Волги археологами обнаружены следы присутствия огузской, болгарской и суварской этнических групп населения. Саксин был крупнейшим перевалочным пунктом на перекрёстке торговых дорог – Великого Шёлкового пути и Волжского торгового пути. Здесь, в дельте, обнаруживаются предметы, произведенные в раз-

личных регионах Востока – Китае, Индии, Средней и Центральной Азии (Хорезме, Бухаре, Самарканде), Иране, Палестине, Египте, Магрибе, Византии, Волжской Болгарии. Кроме того, сам Саксин был центром ремесленного производства, снабжавшего изделиями огромную часть кочевой степи.

Советский историк и археолог Г.А. Фёдоров-Давыдов в своих научных публикациях, на основе привлечения обширного материала, изучив и проанализировав восточные письменные источники о городе и округе, сумел доказать, что Саксин располагался в Нижнем Поволжье [37, с. 160]. Но ученый считал, что город Саксин прекратил свое существование еще до нашествия монголов (в XII веке). А имя города было перенято локальной группой половцев, которые кочевали на Нижней Волге. В современной науке существует проблема локальной группы половцев, о которой Г.А. Федоров-Давыдов говорил как о населении Нижнего Поволжья. Также им были затронуты вопросы о характере и уровне их экономических занятий, которые до сих пор остаются актуальными. Они требуют тщательного изучения. Тем не менее, для Г.А. Федорова-Давыдова, город и область Саксин четких границ не имел и включал в себя Нижневолжский регион, прежде всего территорию современных Астраханской и Волгоградской областей [37, с. 167].

Другой отечественный археолог, фактический создатель советской и российской школы хазароведения, М.И. Артамонов связывал проблему локализации Саксина с локализацией последней хазарской столицы. В частности, в своих работах он утверждал, что Саксин – это восстановленный квартал города Итиль [4, с. 609–610].

В конце XX – начале XXI вв. в дельте Волги были проведены археологические исследования, результаты которых могут способствовать формированию новых научных представлений по вопросу локализации города и области Саксин.

Разведки астраханских археологов Е.В. Шнайдштейн, Д.В. Васильева, С.А. Пантелеева, С.А. Котенькова, Д.В. Кутукова, Д.В. Рябичкина, казанского археолога И.Р. Мирсияпова выявили многочисленные средневековые поселения в дельте Волги и Волго-Ахтубинской пойме. Часть этих поселений относятся к периоду Золотой Орды, другая относится к периоду до монгольского завоевания. В ходе археологических экспедиций, в дельте Волги и в Волго-Ахтубинской пойме, в угодьях, занятых заливными лугами и естественными возвышенностями – бэровскими буграми – на сегодняшний день выявлен целый ряд археологических памятников, которые могут быть датированы периодом до монгольского завоевания [6, с. 191].

Результаты экспедиций подвели нас к определенному выводу: Саксин – это не просто город, это целая область, это не до конца открытая страна в дельте Волги, история изучения которой продолжается и в наши дни. И тайна существования и местоположения города Саксин может быть приоткрыта благодаря работам археологов как раз в окрестностях села Татарская Башмаковка. Во всяком случае, одна из существующих в современной науке версий помещает остатки города Саксин именно сюда. Такое предположение делает, в частности, А.В. Шевченко, анализируя материалы могильника Кан (Хан)-Тюбе [38, с. 139–168].

На территории Татаробашмаковской сельской администрации следует выделить археологический комплекс Кан (Хан)-Тюбе и Тумак-Тюбе, включающий поселение Тумак-Тюбе и огромный грунтовый могильник на бугре

Кан (Хан)-Тюбе, а также не исследованные могильники и поселения на ближайших буграх. Первые раскопки на территории района были проведены в 1969 г. Раскопки проводились под общим руководством А.Н. Мелентьева и Е.В. Шнайдштейн².

На берегу старицы Волги в 32 км южнее Астрахани между сёлами Чаган и Татарская Башмаковка было выявлено и исследовано поселение Тумак-Тюбе (руководитель работ – Л.Б. Ерзакович (г. Алма-Ата, Институт археологии)). Поселение располагалось в низине у подножья одноименного бугра. Поселение было сильно разрушено при прокладке автодороги Астрахань–Чаган. Вплотную к западной оконечности бугра был заложен раскоп площадью 500 кв. метров, в котором был выявлен культурный слой мощностью 10 см. Изучено было 8 землянок и большое число хозяйственных ям. Установлено также, что культурный слой поселения распространяется и на поверхность самого бугра.

Комплекс обжигательных печей для керамики и грунтовый могильник был обнаружен на соседнем бугре Хан-Тюбе. Магниторазведка, проведённая К.К. Шиликом, выявила наличие на бугре 29 горнов для обжига керамики на площади 6000 кв.м. Из них 8 печей, повреждённых при строительстве рисовых чеков, было раскопано. Кроме того, было вскрыто два участка грунтового могильника, также повреждённого строительными работами. Исследовано 154 захоронения, выполненных по исламскому погребальному обряду. Исследователи считают захоронения синхронными комплексу обжигательных горнов и датируют их эпохой Золотой Орды (XIII–XIV вв.).

В 1991 году раскопки поселения «Тумак-Тюбе» были продолжены экспедицией Госдирекции охраны памятников истории и культуры Астраханской области под руководством С.А. Котенькова³. Исследования проводились на вершине бугра, частично разрушенной карьером. В ходе раскопок было исследовано 15 захоронений, 4 хозяйственных ямы и землянка с системой отопления в виде тандыра и канов, встроенных в лежанку-суфу. В 1993 году Д.В. Васильевым на территории археологического памятника было доисследовано одно разрушенное мусульманское захоронение эпохи средневековья⁴.

Поселение Тумак-Тюбе, вместе с могильниками в его окрестностях, привлекает внимание как один из интереснейших источников по истории Золотой Орды и её исламизации. Прежде всего следует отметить, что данный объект – небольшой периферийный населенный пункт периода Золотой Орды. В связи с этим сравнительный анализ могильников из этого поселения с могильниками крупных городищ, безусловно, может привести к небезынтересным выводам и результатам.

² Мелентьев А.Н., Шнайдштейн Е.В. Отчёт о работах Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в полевом сезоне 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Оп. №№ 3910. Д.3910-а.

³ Котеньков С.А. Отчёт об археологических раскопках на городище «Тумак-Тюбе» в 1991 году // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. Оп. №13304/1, 13304/2.

⁴ Васильев Д.В. Отчёт о разведках в Приволжском, Красноярском, Икрянинском районах Астраханской области в 1993 году // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. Оп. №16170.

Костяной «конёк» – инструмент для полировки кожи при кожевенном производстве. XIII–XIV вв. Золотая Орда. Раскопки Е.В. Шнайдштейн на поселении Тумак-Тюбе

Bone “skate” – a tool for polishing leather in the leather industry. 13th–14th centuries. Golden Horde. Excavations by E. Shnaidstein in the Tumak-Tyube settlement

Кувшин «афтоба» красноглиняный гончарный (умывальник). XIII–XIV вв. Золотая Орда. Раскопки Е.В. Шнайдштейн на поселении Тумак-Тюбе

“Aftoba” pitcher, red pottery. 13th–14th centuries. Golden Horde. Excavations by E. Shnaidstein in the Tumak-Tyube settlement

Светильник красноглиняный гончарный масляный. XIII–XIV вв. Золотая Орда. Раскопки Е.В. Шнайдштейн на поселении Тумак-Тюбе

Oil lamp, red clay pottery. 13th–14th centuries. Golden Horde. Excavations by E. Shnaidstein in the Tumak-Tyube settlement

А.В. Шевченко, антрополог из Санкт-Петербурга, в ходе исследования рассмотрел особенности краниологических характеристик серии черепов с грунтового могильника Хан-Тюбе, обратил внимание на несхожесть показателей этих черепов, относившихся, по мнению автора раскопок Е.В. Шнайдштейн, к XIV в., с показателями половецких черепов [38, с. 139]. Но ученый выявил их сходство с черепами из захоронений на Зливкинском могильнике и особенно на могильнике хазарского Саркела [38, с. 159].

Руководствуясь этими выводами, А.В. Шевченко выдвинул предположение о необходимости передатировки могильника более ранним временем. Он считает, что антропологические характеристики и некоторые черты по-

гребального обряда, которые отличаются от золотоордынских и мусульманских захоронений, относятся к хазарским временам и сохранились в последующий период у населения Саксина. И остатки этого поселения должны быть где-то поблизости [38, с. 156–157, 167–168]. Конечно, версия очень необычна. Но она позволяет нам иначе, по-новому взглянуть на достаточно известный археологический комплекс.

Следует также отметить, что разведки, которые проводились в районе поселений и могильников Хан(Кан)-Тюбе и Тумак-Тюбе, не показали наличие остатков крупного городища на бэровских буграх в междуречье Волги и Кизани. Правда, можно допустить, что поселение перекрыто иловыми отложениями в низинах между этими буграми. Но местность давно известна специалистам, здесь ведется и активная хозяйственная деятельность. Поэтому крупное городище в этих местах, если бы оно существовало, уже давно было бы обнаружено. Вероятным представляется предположение, что Хан(Кан)-Тюбе, как могильник, использовался в те времена для захоронений населением окрестных небольших населенных пунктов.

Тщательное изучение материалов, полученных в ходе раскопок и разведок, ставит ряд вопросов, нуждающихся в дополнительном разъяснении. Материалы могильника Тумак-Тюбе однозначно связаны с периодом Золотой Орды. Характер находок (специфическая красноглиняная круговая посуда, кувшины-афтоба, светильники, свинцовые пломбы) свидетельствует о золотоордынской эпохе в развитии материальной культуры. Обнаружены на этом поселении и остатки жилищ (заглублённые в землю, с канами и тандырами), которые также идентифицируются как золотоордынские. В отчёте Е.В. Шнайдштейн и А.Н. Мелентьева содержится лишь план могильника и план расположения горнов, выявленных геофизическими методами. К нашему сожалению, в нем отсутствует информация о конструкции восьми керамических горнов, обнаруженных на Хан-Тюбе (Кан-Тюбе).

Несмотря на абсолютную привязку к золотоордынскому периоду, здесь обнаружены немногочисленные погребения с инвентарем домонгольского периода. Это свидетельство того, что местность была заселена в эпоху до периода Золотой Орды.

Материалы исследований на Самосдельском городище в дельте Волги, которое является археологическими остатками города Саксина, свидетельствуют о высоком уровне исламизации местного оседлого населения еще в период до монгольского завоевания [6, с. 189–267]. Факт существования в данном регионе исламизированного населения с домонгольских времён только расширяет наши представления о распространении ислама в Нижнем Поволжье в золотоордынское время. На наш взгляд, новую «информацию к размышлению» о населении дельты Волги в предмонгольское время могут дать результаты статистических методов при исследовании погребений из могильников Тумак-Тюбе и Хан-Тюбе, которых сегодня обнаружено до полутора сотен единиц [8, с. 84–85].

Мы знаем, что уже с постхазарских времен ислам становится главной религией в крае. В связи с этим нам представляется весьма затруднительным (но вполне возможным) выделить специфические черты местного погребаль-

ного обряда, которые прослежены, например, на материалах захоронений с могильника Кан (Хан)-Тюбе.

Данные статистического анализа связей между признаками погребального обряда тоже показывает значительную его унификацию на могильниках окрестностей Тумак-Тюбе. Основу этих погребений составляют захоронения с признаками мусульманской обрядности (таких большинство, и они в значительной степени унифицированы) и захоронения с определенными отклонениями от требований ислама (в них присутствует инвентарь). Есть предположение, что здесь также присутствует еще одна группа захоронений, в которых усопшие уложены на спине, лицом вверх, в вытянутом положении. Неразнообразны и типы ям.

Следует отметить, что не обнаружены погребения, характерные для кочевников. Ни в одной из обнаруженных могил нет предметов конской сбруи, оружия. Однако обнаружены погребения с семенами сельскохозяйственных растений [9, с. 56; 10, с. 90].

Таким образом, нет сомнений, что эти могильники – остатки оседлой культуры населения Нижнего Поволжья домонгольского периода. Если бы процесс оседания кочевников на землю происходил в более позднее время, мы бы увидели это в особенностях погребений, в которых бы, безусловно, присутствовали следы кочевнических погребальных традиций.

Курганные некрополи кочевников Западного Казахстана и Нижнего Поволжья демонстрируют консервацию черт языческих погребальных традиций даже в период исламизации у кочевого населения. Между тем, у нас нет сравнительного материала, поскольку грунтовые могильники Нижнего Поволжья, обнаруженные на золотоордынских городищах, возникают гораздо позже, после запустения собственно городов Золотой Орды [8, с. 64–65].

Дельта Волги в золотоордынское время представляла собой очень неудобный для круглогодичного кочевания регион – многочисленные небольшие по площади заболоченные острова, перерезанные довольно широкими и глубокими протоками Волги (что позже, к концу XVIII в., повлияло и на предков современных юртовцев). Добавим к неблагоприятным для кочевания факторам то, что в XIV в. начался катастрофический подъём уровня Каспийского моря, который сделал невозможным существование крупных населённых пунктов в дельте. К этому периоду относится запустение Самосдельского городища, возникшего в домонгольский период [5, с. 43–47].

Унификация погребального обряда является косвенным признаком того, что он прошел длительный путь развития, и, возможно, на самом деле большая часть захоронений с могильников Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе принадлежит населению, мусульманизированному еще в домонгольский период, как предположил А.В. Шевченко [38, с. 156–157]. Мы не склонны оценивать иначе унификацию обряда и длительные традиции оседлости, отраженные в погребальном обряде населения, оставившего данные могильники. Данная точка зрения представляется нам правильной.

Итак, подводя итог вышесказанному, несомненно, что дельтовые острова в поздний домонгольский или раннезолотоордынский период стали ещё менее пригодны для кочевания. А население дельты золотоордынского периода представляло собой, скорее всего, по большей своей части, то же домонгольское («саксинское») население, которое доживало свой век в новых неблаго-

приятных природных (в связи с трансгрессией Каспия) и экономических (в связи с возникновением новых торговых центров – ордынских городов Нижневолжья) условиях. Период Астраханского ханства и дальнейшее развитие принесли уже новые реалии.

Рассмотренные археологические памятники интересны, богаты и перспективны для дальнейшей разработки, уже имеющей собственную традицию изысканий (длительностью в 40 лет), ведущихся постоянно силами астраханских археологов на территории Татаробашмаковского сельсовета.

Этнография села Татарская Башмаковка

Этническая история села Татарская Башмаковка – «Кизан – аула» также очень богата и своеобразна. Она неотделима от прошлого других татаро-«нугайских» поселений в близких окрестностях города Астрахани. Начать её рассмотрение целесообразно в общем комплексе регионального этнического развития, проблем здешнего краеведения.

Обратим внимание, прежде всего, на то, что местные жители, «юртовские», «нугайские» татары – это специфическая этническая группа тюркского населения Нижнего Поволжья, проживающая компактно в Приволжском р-не Астраханской области, а также в селе Солянка Наримановского района и предместьях города Астрахани – микрорайонах Мошаик и Нариманово (Зацарево, Тияк). Эта группа, как мы предполагаем, является наиболее ранним компонентом тюркского населения Астраханского края в составе России, и его формирование происходило под влиянием множества событий. Имея места жительства вокруг города Астрахани, юртовцы в течение своей истории впитывали в себя различные этнические элементы позднее пришедших народов (и это в предании о «Кыз – ана» подчёркнуто пусть косвенно, но всё же очень верно).

Имея наиболее вероятную «урало-ногайскую» («яицко-ногайскую») историческую основу при переселении (середина XVI в.), они уже к середине XIX в. начали ориентироваться на литературный язык и художественные образцы татар Среднего Поволжья, а затем и заключать браки с девушками из средневожских семей-переселенцев⁵.

Издавна оседлые, казанские татары (полвека спустя – и мишарские) добровольно или по набору мигрировали на новый российский юг, начинали селиться в городе Астрахани (район нынешнего «Татар-базара» и микрорайон «Махалля») с конца XVII в. Число татар резко возросло за счёт участников похода Петра I «в Персиду» – за счёт т.н. «лашкаров», адмиралтейских государственных крестьян, оставшихся на жительство в Астрахани [18].

С основанием оседлых юртовских селений, средневожские татары стали переезжать и в них. Потому в самом конце XVIII в. академик-энциклопедист И.-Г. (И.И.) Георги сообщал о юртовцах, что «все они происходят от ногайцев, однако ж находятся между ними немалое число и казанских татар, как

⁵ Отметим здесь тонкий (и, ситуативно, немаловажный) материально-денежный момент «встречи тюркских традиций». Калым при свадьбе (тюркск. и ног. «калын» – «остаток»), всегда традиционно богатый и объёмный у всех групп ногайцев, заменялся в случае, если невеста была из средневожско-переселенческой, татарской семьи, сравнительно небольшим подарком, т.н. «бирнэ».

городских, так и деревенских» [15, с. 147–152]. В результате: не менее, чем каждая пятая семья в юртовских селениях (это отметил профессор Л.Ш. Арсланов [3, с. 506–513]) произошла от межобщинных браков в тюркской среде, и имеет в своем составе предков средневожжских татар: казанских или же пензенско-нижегородских, «мишарских». Совершенно подтверждают этот тезис и наши исследования по населению Татарской Башмаковки.

Общий диалект татаро-башмаковских жителей (а казанские переселенцы переходят в сёлах на него, говоря «по-своему» обычно лишь дома) представляет собой интересное «островное» (лингво-пограничное, «межъязыковое») в тюркском мире – состояние (проф. Л.Ш. Арсланов): имеет ногайскую основу в лексике, отчасти, в фонетике, но сильное «наслоившееся» влияние (особенно, в грамматике) языка средневожжских татар-переселенцев.

В юртовских ареалах средневожжско-татарский язык казанских переселенцев – «*нечкэ сюзлэр*» (т.е. «тонкий, мягкий», близкий к элитно-литературному) – чётко отличается от здешнего особенного – «*ялтак сюзлэр*» («широкий, плоский», вроде бы, грубоватый, без строгих нормативных границ, свой собственный язык-диалект) – самими жителями, многие из которых владеют в разной мере и степени обоими речевыми стилями.

На базе знания юртовского диалекта, как замечалось и ранее [3, с. 506–513], легче изучать любой тюркский язык. И за счёт нечастого сочетания кыпчакских и огузских черт он будет всегда неплохо понятен и турку, и узбеку.

Старшее и, отчасти, среднее поколение здешних жителей обычно принимают для себя в быту два этнонима сразу – «*татар*» и «*нугай*» – как одинаково относящиеся к ним самим. Но если в юртовских сёлах на другом берегу Кизани при переписях проживающих встречаются проявления «ногайских» идентичности и самосознания, в Татарской Башмаковке это абсолютно не выражено.

Всегда отдельный, непростой вопрос – об «этнонимах», т.е. названиях народов и их групп (как своих собственных, так и данных «со стороны»). И три наименования – «ногайцы («нугайи»), «татары» и «юртовцы» сосуществуют уже несколько столетий. Пожалуй, «юртовцы» – это более точное историческое, летописное и научное обозначение. Однако оно употребляется и соседними тюрками.

Так, у отдалённо родственных юртовцам карагашей Красноярского р-на (ногайцев ещё и по самосознанию, только не «яицко-уральской», а «кубанской» ветви) жители Татарской Башмаковки и соседних сёл обозначаются как «карийле» (на татарский лад, в отдельных справочниках – «караюйлы»), т.е. как «черноюртовцы». Обозначение «юртовцы» встречается порой и у татар – потомков переселенцев из Среднего Поволжья в г. Астрахани (иногда связанных с таковыми родственно в семьях), оно становится всё более известным и самим представителям данной группы, стало даже встречаться в переписях.

Дело ещё и в том, что в современной отечественной науке юртовцы привлекают к себе всё более значительный интерес. Не утихают споры и дискуссии об истории и современном состоянии, этническом статусе и основах культуры данной группы – и в науке, и в СМИ, и в среде самого населения.

Некоторые учёные всегда и неизменно подчёркивали ногайские корни юртовцев (И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов [21], В.В. Трепавлов [33], В.М. Викторин [13] и др.). Другие рассматривали их в контексте развития поволжско-

татарского населения, не всегда поясняя и уточняя, имеются ли в виду «татары» прежнего Астраханского ханства (крайне малоизвестные науке) или «татары средневожские», переселившиеся в город Астрахань и окрестности с конца XVII в. и, особенно, после Персидского похода императора Петра I, в XVIII–XIX вв. Данная версия особенно поддерживалась учёными из Казани и Москвы (Р.К. Уразманова, Д.М. Исхаков, в последние годы – И.В. Зайцев) [19]. Близко к данной точке зрения, но очень неточно (в связи с некими «астраханскими» татарами) интерпретируют материал молодые музыкальные этнофольклористы из Москвы и Казани Н.Р. Азизова [2] и Н.Г. Гайнуллина [14].

Учёные третьей группы вели речь о «переходном» типе этнокультурной традиции, «межъязыковом» статусе юртовского тюркского диалекта (Л.Ш. Арсланов [3], А.Р. Усманова [35] и др.). И.В. Торопицын в отношении юртовцев высказывает комбинированную точку зрения, что они при формировании вобрали в себя как компонент татар Астраханского ханства, пришедших из Волго-Уральского междуречья ногайцев и других представителей тюркских народов, позднее приписанных в юртовское сообщество [31; 32].

Для населения Татарской Башмаковки эти позиции приводят к формулированию следующих вопросов: сохранялось ли со времён Золотой Орды и Астраханского ханства (а иногда утверждают, что и более ранних периодов) население здесь, вокруг нынешнего села или/и на его месте? Или же состав жителей складывался заново, скажем, в период между рейдом отряда И. Заруцкого – М. Мамбеева – М. Мнишек с её сыном, и по итогам посещения края Петром I Великим, т.е. с начала XVIII по середину XIX вв.?

Но доказательств «хазарского» происхождения кого-либо из них не обнаруживается, а предполагаемая связь юртовцев с исчезнувшими «татарами орды и ханства» (И.В. Зайцев [19], Д.М. Исхаков [30] и др.) может заключаться лишь в том, что первые к середине XVIII в. заняли для своих поселений урочища (удобные природные объекты), покинутые вторыми в конце XIV – нач. XVI вв. (при походе Тамерлана, затем присоединении ханства к России). Этим и объясняется, как нам представляется, такое обилие старинных археологических памятников (отмеченных ранее – уже давно установленных и открываемых заново) в ареале проживания нынешних юртовцев вокруг города Астрахани.

Наша точка зрения на обозначенную проблему следующая: юртовцы (с выделявшимися в ревизиях до 1840-х гг. «джети/едисанцами» и зависимыми от мурз Урусовых и Тим(н)баевых «джем/эмеками») – это уже сложившаяся общность. Все они (11 селений, но с различиями по 2–3 подгруппам) уже почти два века осознают свою субэтническую связь, диалектное единство и хозяйственно-культурную общность.

За время оседлого, стабильного проживания под Астраханью (примерно 2,5 века) в составе юртовской субэтнической общности возникла и некоторая оригинальная, но малоизученная внутренняя специфичность. Юртовцы разделяются по особенностям в говоре и прежнем родоплеменном составе, по названиям рек, где селения расположены. Это «зацаревско-кизанская», изначально собственно «юртовская» подгруппа (поселок Зацарево-Нариманово, села Каргали, Яксатово и Татарская Башмаковка) – до 10 тыс. чел., а также «болдинокутумская», иначе «джетисанская» (поселок Мошаик, села Килинчи, Три Протока, Кулаковка) – до 10 тыс. чел., и переходная между ними – «семиково-осып-

нобугровская» («прицаревская») – около 5 тысяч человек, ещё одна «солянская» (ранее – «соляно-кучергановская»), правобережная – около 5 тысяч человек.

Итак, согласно достоверным историческим источникам (хроникам, документам, свидетельствам путешественников), а также собственной фольклорной памяти, юртовцы (в первую очередь, именно «зацаревско-кизанские») являются потомками переселенцев-тюрок – очень давних, прибывавших добровольно в уже ставшее российским Нижнее Поволжье начиная с сер. XVI в.

Формирование этнической группы юртовцев (под их нынешним названием), завершилось к середине XVIII в. По примеру первоначального полукочевого поселения при Астрахани «Юрт» («Йорт»), основным типом дальнейших мест их стабильного проживания тогда были именно зимние стоянки. Они состояли из групп особых (небольших и неразборных) юрт, разбросанных зачастую без чёткого плана, но по определенному территориальному или родовому принципу.

Нами рассматривалось в этой связи и сообщение голштинского путешественника и художника А. Эльшлегера-Олеария от начала XVII в., что ногайцы «делятся на несколько орд или отрядов, идут к Астрахани» [28, с. 123], поселяются в конце осени именно так, вблизи города. Действительно, для данного периода было характерно кочевание юртовцев большими группами – улусами (иногда – «ордами»), во главе с «табунными головами». Юртовцы (и едисан / джетисанцы) делились административно-территориально на 15 улусов или табунов (очевидно от монгольского – «тумен», «туман» – 10 тыс. человек, воинов).

Астрахань. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...». Середина 1630-х – первая половина 1640-х гг.

Astrakhan. Engraving from A. Olearius's book "Description of a travel to Muscovy ...". The mid 1630s – the first half of the 1640s

Это было (как показали исследования в Государственном архиве Астраханской области) население каждого из их будущих сёл. Поскольку согласно известному в исторической науке правилу (Ф. Энгельс о сельской общине – «марке» у ранних германцев в Западной Европе), «каждое племя оседало на новом месте не по прихоти и не в силу случайных обстоятельств, а в соответствии с родственной близостью соплеменников» [25, с. 330].

В качестве предводителей, «глав, голов» таких подразделений, выступали лучшие воины и их потомки («батыры, агалары»), а чаще – знатные «мурзы», прямые потомки легендарного Идегея, из фамилий Урусовых и Тинбаевых (Тимбаевых), часть которых впоследствии приняла христианство [27, с. 13].

Но кроме новой, возникшей в Нижневолжье, «улусной» системы деления, сохранялась и более архаичная – по родоплеменному признаку. Известно, что для всех кочевников и полукочевников принципиально значимо их родоплеменное устройство. Принадлежность «родовая» (литературное тюрко-татарское «ыру(г)», астраханско-тюркское «ру» – «род») была сопряжена для её носителей с особой территорией для совместных кочёвок, военной службой и боевым кличем – «уран» (сегодня они прочно забыты), отдельным кладбищем, обязанностью заключать брак «вне» своего рода (т.н. «экзогамия»), общей эмблемой, гербом – «тамгой», единым древним названием, сказанием о происхождении от знаменитого общего родоначальника, непреложным правилом для каждого «знать семь поколений предков» и мн. др.

В материалах о Нижневолжье в официальных документах царских приказов под датой 1648 г. (т.е. после переселения первых едисанцев/джетисанцев, но ещё до мощной экспансии калмыков) в документах названы 23 собственно юртовские родоплеменные группы, чьи названия отчасти памятны и сейчас: арслан – белек, ас, бурут (кыргыз), кан(г)лы, кенегес (кенегеш), кырк, курнат (исходное «кунград»), кыпчак (кымчак), кытай, найман (и каранайман), мын (ещё и с подразделениями оба и казан – (к)улаклы) и мангыт (с подразделением эсеней), нукус (нокус), оймаут, ток (тог-енче и тог-енгур), югур (уйгур), юйшун (уйсун). Упомянуты ещё два едисан/джетисанских, что очевидно: келечи и ту(й)лага (байрам), и одно иноэтническое – трухмен [34, с. 51]. Потомки группы рода керит были обнаружены соавторами этой статьи и их коллегами позже в с. Карагали (с 80-х гг. XX в.).

Учёными-номадологами, т.е. кочевниковедами, в России эти важные аспекты внимательно изучаются, начиная с середины XIX в. и до сих пор. Среди них выделяются такие имена, как Н.А. Аристов, семья Харузиных, С.М. Абрамзон и Л.П. Потапов, Ю.А. Зуев, Н.А. Баскаков и А.-Х.Ш. Джанибеков, Д.Г. Савинов, Р.Г. Кузеев, Г.Е. Марков, В.В. Востров и М.С. Муканов, В.В. Трепавлов, Р.Х. Керейтов [22] и др. Ими же исследованы были процессы седентаризации (оседания на землю) кочевников, с существеннейшей модификацией их культуры и быта – но обычно при сохранении (нередко весьма длительном) прежних степных традиций, правда, с наполнением их новым, резко отличным от прежнего, содержанием. Примеры тому в бытовых традициях тюркских и иных ранее кочевых народов весьма многочисленны.

При оседании на землю «родовая» община сменялась у множества народов мира «сельско-соседской», население перемешивалось и пополнялось новыми переселенцами. Прежние обязательства по строгой «родовой» принадлежности распались. Так вполне ощутимо происходило у юртовцев с середины

XVIII в., в т.ч. в Кизан-ауле, Татарской Башмаковке. И поныне многое из традиционных элементов прошлого сохранилось в памяти наиболее пожилых жителей села, что само по себе является большой удачей для ученых.

Не вызывает споров (или принимается всеми авторами как данность), что территория Татарской Башмаковки исторически заселялась в западном направлении по реке Кизань. В итоге в большом ауле возникло четыре малых общества, обычно именуемых «махалля» – «посёлок, квартал». Они составили пять «аулов – махалля», которые удалось выявить астраханским исследователям в экспедиционной работе 80-х гг. XX в. Это были «Курнат-аул», «Кинегес-аул», «Базар-аул» и «Куж-аул» («Ходжаул»).

Фото мечети «Базар-аула». 1928 г.

Photo of the “Bazar-aul” mosque. 1928

В каждой «махалля» находилась своя мечеть, которую представителям других обществ села (в нарушение иных основ ислама) посещать не полагалось. Органом общественного (само)управления был «маслагат, маслихат» – совет при мечети, рассматривающий самые ключевые вопросы жизни «аула» и бытовые проступки, правонарушения, во главе с самым уважаемым аксакалом (имам-настоятель мечети входил в него в качестве одного из равноправных членов). Но семьи многих наших собеседников, по их словам, меняли местожительство в разных концах Татарской Башмаковки, а, значит, и свои «махалля», поэтому о «чистоте» их состава говорить не приходится.

Предпосылкой для возникновения «махалля», как указывалось ранее (С.Г. Гмелин [16], П.А. Небольсин [27]), могли вполне быть зимовья («кишлак, кстау»), знаменовавшие переход от кочеваний к полукочевничеству: «на зимних стоянках постепенно возникали хозяйственные постройки – загоны

для скота..., которые сооружались из бурьяна и камыша. Они как бы свидетельствовали о праве собственности того или иного общества на этот участок. На зимних стоянках обычно оставляли и топливо (кизяк), которое заготавливали весной на следующую зиму... На зимовьях в начале в небольших размерах, а затем все в больших стали заготавливать также сено» [27, с. 34].

Название первых двух «махалля» Курнат и Кинегес связано с наименованиями древних тюрко-монгольских («чагатайских») племён: «кунград» и «кенегес», широко представленными и у других кыпчакских народов. Есть мнение, что «махалля» «Курнат» является для села исходной, наиболее ранней (мечеть «Курнат» существовала до конца 1930-х гг.). Эти термины («кунград (курнат)» и «кенегес») уцелели и памятны до сих пор. В других «махалля» старинные названия уже были забыты (и восстановить их уже вряд ли получится у нас или коллег), утрачены и заменены на другие, более понятные живущим («кужа» – ходжа, «базар»).

Таким образом, иногда старинный род (исторический «ру») мог давать название целому посёлку («махалля») в составе села. Более того, части одного и того же рода – «ру» – могли в XVI–XVII вв. оказываться совсем в разных «табунах», оседать в различных будущих сельских группах. Так, «махалля» Кинегеш-аул (с чуть изменённым названием) представлено и в микрорайоне Нариманово-Зацарева (Тияк-аул – бывший Юрт, Ёорт). Также в соседних населённых пунктах юртовцев по рекам Цареву и Кизани отмечены «кыпчак (кымчак)», «бешогул», «керит» и др. (к башмаковцам они могли проникать по женской линии, через браки). В сёлах на другой стороне Волги представлены названия «каньга» (предположительно «кан(г)лы») и «кыргыз».

Но и сами «махалля» имели непростую внутреннюю структуру. Целые семьи (или даже группы семей, у А.Д. Мусаева – «кланы») имели свои, прежде общеизвестные, наименования. Данным автором выявлена также (уже внутри каждой «махалля») система таких семейных и межсемейных «прозвищ» (по-местному, – «атаклар», «атак»ов) [26, с. 294–296].

В итоге, становится ясно, что древние «родовые» обозначения (исторические «ру») модифицировались с конца XVIII в., не определяясь больше экзогамией (запретом браков внутри рода). Они сохраняли своё старинное звучание по отцовской линии лишь в силу традиции, становясь первыми «атак»ами, создавая примеры для возникновения новых, зачастую заменяясь ими.

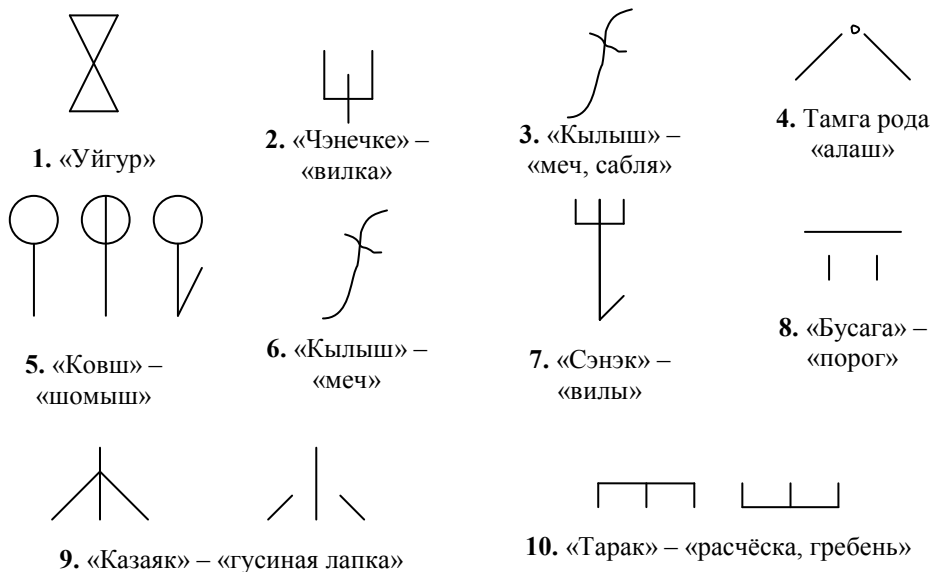
Например, с научной точки зрения представляют интерес имена чагатайского «найман» (как «кунград, курнат» и «кенегес»), ещё древнетюркского «уйгур», общекыпчакского «алаш» и другие. Они остались в памяти населения и сохраняются помимо структуры «махалля» в обозначениях семейной передачи у части жителей Татарской Башмаковки.

Такой же интерес представляют сохранившиеся (в основном, на кладбищенских памятниках), остаточные «тамги» – в давние времена знаки собственности у оседавших кочевников, а позже и поныне – эмблемы-гербы ряда древних «ру» и некоторых, заложивших себе подобную же традицию, более новых «атак»ов.

Отметим только, что наиболее распространённое в казахской среде «алаш» показывает в Татаро-Башмаковке не более, чем связь народов тюрко-кыпчакского корня (включая всех ногайцев и юртовцев).

И совсем уж большой натяжкой было бы связывать напрямую, как порой делается (тем же А.Д. Мусаевым в соавторстве с Р.У. Джумановым [17]), по происхождению, диалекту и особенностям культуры, «ру» «уйгур», тамга – см. №1 в табл. – в Татарской Башмаковке с этносом уйгуров в китайском Синьцзяне (прежнем Восточном Туркестане), а «найман» – с большим и сильным, известным тюркским, монгольским или переходным меж ними племенем того же названия в Центральной Азии средних веков, враждебным Чингиз-хану и склонном к несторианскому христианству. Ничего подобного тем традициям, общей антропологии или прямой близости по языку, кроме сходного наименования, ныне не осталось.

Таблица. Тамги

Можно предположить, что существовали и другие связи с «правой» стороной Волги. В Татарской Башмаковке известно также название «рода» «утар» (Ахмедовы, тамга «шэнешке», литературное татарское «чэнечке» – «вилка» – см. №2 в табл.). Оно, возможно, отсылает к смешанной группе «кочевых юртовцев», утаро-алабугатцев (на самом деле, совокупности 4–6 отдельных родов), возникшей между 1771–1782 гг. и жившей недалеко от нынешнего мишаро-татарского села Янго-Аскер (бывший аул Иш-Тюбе) до калмыцкой границы. Действительно, некоторые семьи здесь имели родственные связи с татаро-башмаковцами. Впрочем (для сопоставления), в джетисанском по истокам селе Тулугановка (Кундрау) такой же «род» «утар» просто объединил потомков мужичины по имени Утар, жившего на рубеже XIX–XX вв.

Подчас равноправными с «родовыми» именами становились всё чаще и простые семейные имена, наподобие прозвищ. Так, рассказывают о себе представители нового «ру» – «манже», тамга «кылыш» – «меч, сабля» – см. №3 в табл. (Абдулвагаповы): «дед с калмыком дружил, тоже духовного, похожего на своё, звания; они часто виделись, и их одинаково стали звать»

(калмыцкое «манжи(к)» – младший священнослужитель или ученик). Похожим образом могло возникнуть и обозначение «кукан» (Мусаевы), их переосмысленная старинная тамга «с остриём». Как и совсем особая, широко известная тамга рода «алаш» – см. №4 в табл. (Мулляминовы).

Фото тамговых знаков на плитах кладбища
с. Татарская Башмаковка. 2009 г.

Photo of tamga marks on the plates of the cemetery
of the Tatarskaya Bashmakovka village. 2009

Точно так же обстоит дело и с родовыми знаками – «тамгами» – поначалу соответствовавшими отдельным «ру». В принципе, общей положительной оценки заслуживают (с замечаниями по короткому сроку привлечённого материала, в основном – конец 30-х гг. XX в.) усилия местных краеведов Р.У. Джуманова и А.Д. Мусаева, осуществивших осенью 2008 г. сбор надписей на уцелевших памятниках сельского кладбища, холм «Кос-Гюбе» [17]. Тогда было обработано свыше 60-и знаков-«тамг», в т.ч. 15 составных, относящихся к 17 фамилиям («атак», иногда «ру»), бытующим в селе и по сей день. Авторами данной статьи, в процессе полевых опросов, было добавлено ещё 5. Все они, конечно, отражали связи одинаково обозначаемых семей, их общие интересы.

Символы эти имеют, действительно, достаточно древнее происхождение, несколько схожих с аналогичными у других тюркских народов юга России и Средней Азии. Однако имеются серьёзные основания для того, чтобы считать таковые уже не «родовыми», а именно «семейно-групповыми».

Эти знаки-тамги, разумеется, крайне важны – и в культурно-бытовом, и в исследовательском плане, поскольку всегда информативны, хотя весьма неоднозначны и очень переменчивы. По словам одного из ведущих учёных по проблеме, ногаевода Р.Х. Керейтова, все они отражают «если не родственные, то другие связи, хотя ... указывая на принадлежность к определённому племени, могут ввести и в заблуждение» [23, с. 149]. Обозначенный тонкий момент эволюции и модификаций, многозначности и сочетания, смычки знаков-тамг, нужно всегда и непременно, как представляется, иметь в виду, прослеживая на примерах.

Так, тамга «ковш» – «шомыш» в разных её формах – см. №5 в табл.) использовалась в разных «махалля» и носителями различных «родовых» названий. А представители того же рода «найман» могли жить в отдалённых друг от друга концах села, где строили свои стационарные жилища, иметь прори-

совки «тамг» довольно различные («кылыш» – «меч» – см. №6 в табл. и один из вариантов «сэнэк» – «вилы» – см. №7 в табл.).

Условно можно считать (материалы Р.У. Джуманова и А.Д. Мусаева, а также И.З. Абдулвагапова и др., в общем, отвечают такому выводу), что с семьями в «махалля» Курнат могли соотноситься тамги «бусага» – «порог» – см. №8 в табл. и «казаяк» – «гусиная лапка» – см. №9 в табл., а в «махалля» «Кинегес» – в большей мере, тамга «тарак» – «расчёска, гребень» в различных её начертаниях – см. №10 в табл. Но проверка этого тезиса в современных условиях весьма непроста и выходит за рамки нашего исследования.

Причём, в отличие от собственно кочевников, «тамга» у юртовцев уже не была «тавром»; скот метился иначе. Семейной «тамгой» обозначались участки земли, она выбивалась на надмогильных памятниках, иногда служила знаком на перстне-печатке, изредка могла изображаться на фронтоне дома.

Итак, внутрисельская, групповая (межсемейная) структура жителей Татарской Башмаковки изначально, со времён оседания и становления земледелия, была весьма сложной. Остаётся она, отчасти, таковой и по сей день – сохраняясь в веках с переосмыслением или оформляясь заново, но по прежнему, традиционному типу. И процесс перехода от кочевой жизни к полукочевой-полуседлой и, наконец (после петровского Персидского похода 1722–1723 гг.), к оседлому земледелию (седентаризация) заслуживает в истории юртовцев отдельного внимания. Равно как и образование 11 отдельных населённых пунктов, их внутренняя структура (кварталов, микрорайонов – «махалля»), новые структуры социального устройства и управления (обычно отдалённо напоминавшие прежние, кочевые, но наполненные новым содержанием).

* * *

Рассматриваемая территория села Татарская Башмаковка и окрестностей предельно богата и интересна в общекраеведческом, археологическом, историческом, этнокультурном, топонимическом отношении, и многих других важных аспектах. Они связаны между собой разновременными культурными контекстами. Археологическое наследие территории требует дальнейшего изучения, особенно в связи с исследованием памятников культурной округи Саксина. Следует продолжать исследования и в этнографическом направлении. Можно констатировать, что в данной местности произошла локализация одной из ранних тюркских групп населения Астраханского края, юртовских татар, которые стали связующим звеном в преемственности традиций нижневожского населения от средневековья к новому и новейшему времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абу Хамид ал-Гарнати*. Сочинения. М., 2010. 184 с.
2. *Азизова Н.Р.* Традиционно-обрядовая культура локальных этнических групп в современной России. Диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии. М., 2009. 330 с.
3. *Арсланов Л.Ш.* Юртовских татар (астраханских ногайцев) язык // Языки мира. Тюркские языки. Бишкек., 1997. С. 506–513.
4. *Артамонов М.И.* История хазар. СПб., 2001. 688 с.

5. *Бронникова М.А., Зазовская Э.П., Аржанцева И.А.* Городище «Самосделка»: предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований // *Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий.* Астрахань, 2001. С. 43–47.
6. *Васильев Д.В.* Новые данные о городе и области Саксин // *Поволжская археология.* 2015. №2.(12). С. 189–267.
7. *Васильев Д.В.* Где находились город и область Саксин? (постановка проблемы) // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* 2012. №4 (33). С. 13–20.
8. *Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде: историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007. 191 с.
9. *Васильев Д.В.* Захоронения из окрестностей поселения Тумак-Тюбе // *Астраханские краеведческие чтения.* Т. I. Астрахань, 2009. С. 53–57.
10. *Васильев Д.В.* Могильники Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе // *Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки.* Вып. 1. Астрахань, 2009. С. 85–92.
11. *Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д.* К вопросу об интерпретации Самосдельского городища на разных этапах его существования // *Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации.* Астрахань, 2011. С. 158–166.
12. *Васькин Н.М.* Заселение Астраханского края. Волгоград – Астрахань, 1973. 47 с.
13. *Викторин В.М.* Мурзы и эмеки: О социальной и этнической структуре астраханских юртовских ногайцев в XVII–XIX вв. // *Научный вестник Астраханского филиала ВАГС.* Волгоград, 2005. Вып. 2. С. 57–74.
14. *Гайнуллина Н.Г.* Эпическая традиция ногайских татар Астраханской области. Диссертация на соискание ученой степени канд. искусствоведения. Казань, 2003. 606 с.
15. *Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей. СПб., 2007. 799 с.
16. *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 1. Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкаска, главного города донских казаков в 1768 и 1769 годах. СПб., 1806. 272 с.
17. *Джуманов Р.У., Мусаев А.Д.* История села Башмаковка. Астрахань, 2008. 10 с.
18. Дополнения к Актам историческим, изданным Археографической комиссией. Т.Х. СПб., 1867. 504 с.
19. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2006. 303 с.
20. Из глубины столетий / Сост., вступительные статьи и комм. Б.Л. Хамидулина. Казань, 2000. 271 с.
21. *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* Ногайцы. Черкесск, 1988. 233 с.
22. *Керейтов Р.Х.* Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей). Ставрополь-Черкесск, 1999. 174 с.
23. *Керейтов Р.Х.* Ногайцы: особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь-Черкесск, 2009. 463 с.
24. Листая памяти страницы ... (Юбилейный сборник к 25-летию со дня образования Приволжского района) / ред. Л.В. Боярчук. Астрахань, 2005. 126 с.
25. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 19. М., 1961. 670 с.
26. *Мусаев А.Д.* Трансформация родоплеменных сообществ юртовцев (карайиле) в семейно-клановые группы в современности // *Астраханские краеведческие чтения.* Т. 2. Астрахань, 2010. С. 294–296.
27. *Небольсин П.И.* Очерки Волжского Понизовья. СПб., 1852. 213 с.
28. *Олеарий А.* Путешествие в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. 582 с.
29. Список фабрик и заводов Российской империи / Под ред. Е.В. Варзара. Ч.1. СПб., 1912. 720 с.
30. Татары. М., 2001. 583 с.

31. *Торопицын И.В.* Юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в первой половине XVIII в. // Тюркологический сборник. М., 2013. С. 375–412.
32. *Торопицын И.В.* Взаимоотношения астраханских властей с привилегированным слоем астраханских юртовских татар в XVIII в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. №2 (39). С. 228–234.
33. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002. 752 с.
34. *Трофимова Т.А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Т. VII. М.-Л., 1949. 264 с.
35. *Усманова А.Р.* Этномузыкальные параллели татар и тюркских этнических групп (ногайцев-карагашей, туркмен и казахов) Астраханской области. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Астрахань, 2008. 22 с.
36. *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 276 с.
37. *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Город и область Саксин в XII–XIV вв. // Древности Восточной Европы. 1969. № 169. С. 253–261.
38. *Шевченко А.В.* Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (По краниологическим материалам из могильника Хан-Гюбе) // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XXXVI. Л. 1980. С. 139–168.

Сведения об авторах: Виктор Михайлович Викторин – кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков Астраханского государственного университета (414056, ул. Татищева, 20а, Астрахань, Российская Федерация). E-mail: victvic@mail.ru

Дмитрий Викторович Васильев – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Астраханского государственного университета, руководитель Центра «Археология Нижнего Поволжья» Астраханского государственного университета (414056, ул. Татищева, 20а, Астрахань, Российская Федерация). E-mail: hvdv@mail.ru

Эльдар Шамигуллович Идрисов – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Астраханского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (414024, ул. Б. Хмельницкого, 33, корп. 1, Астрахань, Российская Федерация). E-mail: idrisel@mail.ru

Марина Маратовна Имашева – доктор исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, этнологии и археологии Казанского (Приволжского) Федерального университета (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация). E-mail: imaschewa@yandex.ru

*Поступила 14.01.2019 Принята к публикации 01.03.2019
Опубликована 29.03.2019*

REFERENCES

1. Abu Khamid al-Gharnati. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, 2010. 184 p. (In Russian)
2. Azizova N.R. *Traditsionno-obryadovaya kul'tura lokal'nykh etnicheskikh grupp v sovremennoy Rossii* [Traditional ritual culture of local ethnic groups in modern Russia].

Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora kul'turologii [Dissertation for the degree of doctor of cultural studies]. Moscow, 2009. 330 p. (In Russian)

3. Arslanov L.Sh. Yurtovskikh tatar (astrakhanskikh nogaytsev) yazyk [The language of the Yurt Tatars (Astrakhan Nogais)]. *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [World languages. Turkic languages], Bishkek, 1997, pp. 506–513. (In Russian)

4. Artamonov M.I. *Istoriya khazar* [The history of the Khazars]. St.Petersburg, 2001. 688 p. (In Russian)

5. Bronnikova M.A., Zazovskaya E.P., Arzhantseva I.A. Gorodishche «Samosdelka»: predvaritel'nye rezul'taty i perspektivy kompleksnykh pochvenno-landshaftnykh issledovaniy [Ancient settlement “Samosdelka”: preliminary results and prospects of complex soil and landscape research]. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya na rubezhe tysyacheletiy* [Archaeology of the Lower Volga region at the turn of millennia]. Astrakhan, 2001, pp. 43–47. (In Russian)

6. Vasil'ev D.V. Novye dannye o gorode i oblasti Saksin [New data about the city and region of Saqsin]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga region archaeology]. 2015, no. 2.(12), pp. 189–267. (In Russian)

7. Vasil'ev D.V. Gde nakhodilis' gorod i oblast' Saksin? (postanovka problemy) [Where was the city and the region of Saqsin? (formulation of the problem)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian region: politics, economy, culture]. 2012, no. 4 (33), pp. 13–20. (In Russian)

8. Vasil'ev D.V. *Islam v Zolotoy Orde: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Islam in the Golden Horde: historical and archaeological research]. Astrakhan, 2007. 191 p. (In Russian)

9. Vasil'ev D.V. Zakhoroneniya iz okrestnostey poseleniya Tumak-Tyube [Burials from the vicinity of the settlement of Tumak-Tyube]. *Astrakhanskije kraevedcheskie chteniya* [Astrakhan local lore readings]. Astrakhan, 2009, Vol. 1, pp. 53–57. (In Russian)

10. Vasil'ev D.V. Mogil'niki Khan-Tyube i Tumak-Tyube [Burials of Khan-Tyube and Tumak-Tyube]. *Perekrestki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki* [The crossroads of history. Actual problems of historical research]. Astrakhan, 2009. Is. 1, pp. 85–92. (In Russian)

11. Vasil'ev D.V., Zilivinskaya E.D. K voprosu ob interpretatsii Samosdel'skogo gorodishcha na raznykh etapakh ego sushchestvovaniya [To the question of interpretation of the Samosdelska ancient settlement at different stages of its existence]. *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniya i interpretatsii* [The Samosdelka ancient settlement: issues of research and interpretation]. Astrakhan, 2011, pp. 158–166. (In Russian)

12. Vas'kin N.M. *Zaselenie Astrakhanskogo kraya* [The settlement of the Astrakhan region]. Volgograd – Astrakhan, 1973. 47 p. (In Russian)

13. Viktorin V.M. Murzy i emeki: O sotsial'noy i etnicheskoy strukture astrakhanskikh yurtovskikh nogaytsev v XVII–XIX vv. [The Murzas and Yemeks: On the social and ethnic structure of the Astrakhan Yurt Nogais in the 17th–19th centuries]. *Nauchnyy vestnik Astrakhanskogo filiala VAGS* [Scientific Bulletin of the Astrakhan branch of VAGS]. Volgograd, 2005, Iss. 2, pp. 57–74. (In Russian)

14. Gaynullina N.G. *Epicheskaya traditsiya nogayskikh tatar Astrakhanskoy oblasti*. [Epic tradition of the Nogai Tatars of the Astrakhan region]. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kand. iskusstvovedeniya [Ph.D. thesis in art criticism]. Kazan, 2003. 606 p. (In Russian)

15. Georgi I.-G. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostoprimechatel'nostey* [Description of all peoples living in the Russian state: their everyday rites, customs, clothes, dwellings, exercises, entertainments, religions and other characteristics]. St. Petersburg, 2007. 799 p. (In Russian)

16. Gmelin S.G. *Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya trekh tsarstv estestva*. Ch. 1. *Puteshestvie iz Sankt-Peterburga do Cherkasska, glavnogo goroda donskikh kazakov v 1768 i 1769 godakh* [Journey through Russia aimed at researching the three kingdoms of nature. Part 1. Travel from St. Petersburg to Cherkassk, the main city of the Don Cossacks in 1768 and 1769]. St. Petersburg, 1806. 272 p. (In Russian)

17. Dzhumanov R.U., Musaev A.D. *Istoriya sela Bashmakovka* [The history of the village Bashmakovka]. Astrakhan, 2008. 10 p. (In Russian)

18. *Dopolneniya k Aktam istoricheskim, izdannym Arkheograficheskoy komissiei* [Additions to historical acts, published by the Archeographic Commission]. Vol. X. St. Petersburg, 1867. 504 p. (In Russian)

19. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan khanate]. Moscow, 2006. 303 p. (In Russian)

20. *Iz glubiny stoletiy* [From the depths of centuries]. Sost., vstupitel'nye stat'i i komm. B.L. Khamidullina. Kazan, 2000. 271 p. (In Russian)

21. Kalmykov I.Kh., Kereyrov R.Kh., Sikaliev A.I. *Nogaytsy* [The Nogays]. Cherkessk, 1988. 233 p.

22. Kereyrov R.Kh. *Etnicheskaya istoriya nogaytsev (k probleme etnogeneticheskikh svyazey)* [Ethnic history of the Nogais (to the problem of ethnogenetic relations)]. Stavropol-Cherkessk, 1999. 174 p. (In Russian)

23. Kereyrov R.Kh. *Nogaytsy: osobennosti etnicheskoy istorii i bytovoy kul'tury* [The Nogais: peculiarities of ethnic history and everyday culture]. Stavropol-Cherkessk, 2009. 463 p. (In Russian)

24. *Listaya pamyati stranitsy... (Yubileynyy sbornik k 25-letiyu so dnya obrazovaniya Privolzhskogo rayona)* [Flipping through the memory page ... (Jubilee collection for the 25th anniversary of the Cis-Volga region)]. Red. L.V. Boyarchuk. Astrakhan, 2005. 126 p. (In Russian)

25. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Writings]. Vol. 19. Moscow, 1961. 670 p. (In Russian)

26. Musaev A.D. *Transformatsiya rodoplemennykh soobshchestv yurtovtsev (karaiyle) v semeyno-klanovye gruppy v sovremennosti* [The transformation of the tribal communities of the Yurtovtsy (Karayle) into the family and clan groups of our time]. *Astrakhanskies kraevedcheskie chteniya* [Astrakhan local lore readings]. Vol. 2. Astrakhan, 2010, pp. 294–296. (In Russian)

27. Nebol'sin P.I. *Ocherki Volzhskogo Ponizov'ya* [Essays on the Volga lower reaches]. St. Petersburg, 1852. 213 p. (In Russian)

28. Olearius A. *Puteshestvie v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno* [The journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. St. Petersburg, 1906. 582 p. (In Russian)

29. *Spisok fabrik i zavodov Rossiyskoy imperii* [List of factories and plants of the Russian Empire]. Pod red. E.V. Varzara. Vol. 1. St. Petersburg, 1912. 720 p. (In Russian)

30. *Tatary* [The Tatars]. Moscow, 2001. 583 p. (In Russian)

31. Toropitsyn I.V. *Yurtovskie tatary v orbite vnutrenney i vneshney politiki Rossii v pervoy polovine XVIII v.* [The Yurt Tatars in the orbit of domestic and foreign policy of Russia in the first half of the 18th century]. *Tyurkologicheskii sbornik* [Turkological collection]. Moscow, 2013, pp. 375–412. (In Russian)

32. Toropitsyn I.V. *Vzamootnosheniya astrakhanskikh vlastey s privileirovannym sloem astrakhanskikh yurtovskikh tatar v XVIII v.* [Relations between the Astrakhan authorities and the privileged layer of the Astrakhan Yurt Tatars in the 18th century]. *Kaspiyskiy region: politiki, ekonomika, kul'tura* [The Caspian region: politics, economy, culture]. 2014, no. 2 (39), pp. 228–234. (In Russian)

33. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow, 2002. 752 p. (In Russian)

34. Trofimova T.A. *Etnogenez tatar Povolzh'ya v svete dannykh antropologii* [Ethnogenesis of the Tatars of the Volga region in the light of the data of anthropology]. Vol. VII. Moscow–Leningrad, 1949. 264 p. (In Russian)

35. Usmanova A.R. *Etnomuzikal'nye paralleli tatar i tyurkskikh etnicheskikh grupp (nogaytsev-karagashey, turkmen i kazakhov) Astrakhanskoy oblasti* [Ethnomusical Parallels of Tatars and Turkic ethnic groups (Nogais-Karagash, Turkmens and Kazakhs) of the Astrakhan region]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata iskusstvovedeniya [Ph.D. thesis in art study]. Astrakhan, 2008. 22 p. (In Russian)

36. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlastyu zolotoordynskikh khanov* [The Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde's khans]. Moscow, 1966. 276 p. (In Russian)

37. Fedorov-Davydov G.A. Gorod i oblast' Saksin v XII–XIV vv. [The city and the region of Saqsin in the 12th–14th centuries]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy* [Antiquities of Eastern Europe]. 1969, no. 169, pp. 253–261. (In Russian)

38. Shevchenko A.V. Antropologicheskaya kharakteristika srednevekovogo naseleniya nizov'ev Volgi (Po kraniologicheskim materialam iz mogil'nika Khan-Tyube) [Anthropological characteristics of the medieval population of the lower Volga (based on craniological materials from the Khan-Tyube burial ground)]. *Issledovaniya po paleoantropologii i kraniologii SSSR. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii AN SSSR* [Research in paleoanthropology and craniology of the USSR. The collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. Vol. XXXVI, Leningrad, 1980, pp. 139–168. (In Russian)

About the authors: Victor M. Victorin – Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Astrakhan State University (20a, Tatischev Str., Astrakhan 414056, Russian Federation). E-mail: victvic@mail.ru

Dmitry V. Vasil'ev – Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Astrakhan State University (20a, Tatischev Str., Astrakhan 414056, Russian Federation). E-mail: hvdv@mail.ru

Eldar Sh. Idrisov – Cand. Sci. (Politology), Assistant Professor, Astrakhan branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (33, building 1, B. Khmel'nitsky Str., Astrakhan 414024, Russian Federation). E-mail: idrisel@mail.ru

Marina M. Imasheva – Dr. Sci. (History), Assistant Professor, Kazan Federal University (18, Kremlevskaya Str., Kazan 420008, Russian Federation). E-mail: imaschewa@yandex.ru

*Received January 14, 2019 Accepted for publication March 1, 2019
Published March 29, 2019*